Aug. Schlözer.

RUSZISCHE SPRACHLEHRE.

I.—II.

А. Шлёцеръ.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА.

I.—II.

Съ предисловіемъ **С. К. Булича.**

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

Введенiе.

Предлагаемое изданiе оригинальнаго нѣмецкаго текста неоконченной, но тѣмъ не менѣе для своего времени весьма замѣчательной русской грамматики А. Л. Шлецера было въ большей своей части (96 стр. изъ 109) приготовлено и напечатано покойнымъ академикомъ А. А. Куникомъ *). Первые 6 листовъ текста были отпечатаны имъ еще въ 1874 г., но потомъ печатанiе почему то было прервано **), и готовые листы остались погребенными въ кладовой академической типографiи. Только послѣ смерти А. А., при ликвидацiи его научныхъ предпрiятiй и начинанiй, явилась возможность довершить начатое изданiе, которое и выпускается нынѣ въ свѣтъ.

Исторiя грамматики Шлецера въ общемъ хорошо извѣстна, какъ изъ автобiографiи знаменитаго ученаго, такъ и изъ другихъ источниковъ. Намѣренiе написать ее было внушено Шлецеру его покровителемъ I. К. Таубертомъ, съ которымъ ему часто приходилось говорить о различныхъ особенностяхъ русскаго языка и объ имѣвшихся въ то время русскихъ грамматикахъ, въ томъ числѣ и о Ломоносовской. Въ послѣдней Шлецеръ находилъ „множество неестественныхъ правилъ и безполезныхъ подробностей“, въ отвѣтъ на указанiе которыхъ Таубертъ предложилъ Шлецеру (въ началѣ 1763 г.), чтобы тотъ самъ

*) Русскiй переводъ труда Шлецера былъ напечатанъ еще въ 1875 г. В. Кеневичемъ въ приложенiяхъ къ его переводу автобiографiи Шлецера въ XIII т. «Сборника отдѣленiя русск. языка и словесности Имп. Акад. наукъ», стр. 419—514.

**) Вѣроятно, въ виду одновременнаго появленiя русскаго перевода Кеневича.

составилъ русскую грамматику, а Академія уже позаботится объ ея изданіи. Предложеніе было принято, и Шлецеръ немедленно приступилъ къ работѣ. Къ веснѣ 1764 г. было уже отпечатано 11 листовъ, но дальнѣйшее печатаніе прервалось вслѣдствіе настояній Ломоносова, открывшаго цѣлый походъ противъ Шлецера вообще и его грамматики въ частности *).

Враждебныя отношенія Ломоносова къ Шлецеру развились на почвѣ научнаго соперничества сначала въ области русской исторіи, а затѣмъ уже и русской грамматики. Въ своихъ запискахъ и бумагахъ, направленныхъ противъ Шлецера, Ломоносовъ заявлялъ, что Шлецеру много еще надо учиться, чтобы сдѣлаться профессоромъ русской исторіи, да „и мѣста ему при Академіи нѣтъ порожняго", такъ какъ „гг. Мюллеръ и Фишеръ суть профессоры исторіи", да и самъ онъ, Ломоносовъ, „сочиняетъ россійскую и уже въ печати" **). Историческіе замыслы Шлецера Ломоносовъ называлъ „безразсуднымъ предпріятіемъ", а его самого „новичкомъ въ россійскомъ языкѣ", обвиняя въ „безмѣрномъ хвастовствѣ и безвременныхъ требованіяхъ" и противополагая „неразсудному и паглому" иноземцу, жившему лишь недолго въ Россіи, „нѣкоего изъ нашихъ природныхъ людей, которой съ малолѣтства спозналъ общей Россійской и Славенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ, древнимъ Словено-Моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ сего знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней Имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ (!), между духовенствомъ, разумѣя притомъ Польской и другіе съ Россійскимъ сродные языки" ***). Нетрудно узнать въ этомъ портретѣ самого Ломоносова, который, однако, едва ли на много превосходилъ Шлецера въ знаніи славянскихъ языковъ.

Еще до грамматики Шлецера Ломоносовъ обрушился на его полуисторическую, полуфилологическую записку „Periculum Antiquitatis Graecis collustratae luminibus", также не лишенную значительнаго историческаго интереса. Записка эта, между прочимъ содержавшая перечень лексическихъ заимствованій изъ греческаго языка въ русскій, была одобрена къ печати Миллеромъ и Фишеромъ; Ломоносовъ же

---

*) См. «Сборникъ», т. XIII, автобіографія Шлецера, стр. 153—155.
**) Пекарскій, «Исторія Имп. Акад. Наукъ», т. II, стр. 827.
***) Билярскій, «Матеріалы для біогр. Ломоносова», стр. 702—704.

положилъ на рукописи отрицательную резолюцію, которую нельзя не назвать пристрастной и невѣжественной: „Hoc periculum ita conscriptum est, ut quicunque linguae Rossicae ignarus legerit, illam filiam esse Graecae credat necesse est (?), quod tamen cum veritate pugnat. Id circo eo habitu, quo nunc apparet, in publicum prodire non debet. Taceo non pauca alia corrigenda“ *).

Раздраженный уже противъ Шлецера, Ломоносовъ не оставилъ въ покоѣ и его русской грамматики. Въ „Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи“ читаемъ слѣдующія обвиненія противъ Шлецера и его покровителя Тауберта, который де „приласкалъ“ Шлецера „къ себѣ, отвративъ и отманивъ отъ Миллера, вездѣ сталъ выхвалять, и видя его склонность къ наглымъ поступкамъ, умыслилъ употреблять въ нападкахъ своихъ на Ломоносова . . . Первый пріемъ . . . былъ, чтобы пресѣчь изданіе Ломоносова Грамматики на нѣмецкомъ языкѣ, далъ всѣ способы Шлецеру, чтобы онъ обучаясь россійскому языку по его Грамматикѣ переворотилъ ее инымъ порядкомъ и въ свѣтъ издалъ, и для того всячески старался останавливать печатаніе оныя, а Шлецерову ускорялъ печатать въ новой типографіи скрытно, которой уже и напечатано много (?) листовъ исполненныя смѣшными излишествами, погрѣшностями, какъ еще отъ не далеко знающаго языкъ россійскій ожидать должно, купно съ грубыми ругательствами **). Сіе печатаніе хотя Россійскимъ учонымъ предосудительно, казнѣ убыточно, и помѣшательно печатанію полезнѣйшихъ книгъ; однако Таубертъ оное производилъ для помѣшательства или по малой мѣрѣ для огорченія Ломоносову“ ***).

Новый матеріалъ для нападокъ на ненавистнаго Шлецера доставила грамматика послѣдняго, въ которой особенно задѣли Ломоносова ошибочныя сближенія: *бояринъ*, или *баринъ*, съ *баранъ* (см. ниже, стр. 35) †), *дѣва* съ нѣм. Dieb, голл. teef, нижне сакс. Tiffe (стр. 48), *князь* съ нѣм. Knecht, англ. Knight, и совершенно вѣрное: *король* съ нѣм. *Kerl* (стр. 48 и 54). Ломоносовъ, по словамъ автобіографіи

---

*) «Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. XIII, стр. 418.

**) Очевидно, здѣсь дѣло идетъ о нижеприведенныхъ этимологіяхъ, а, можетъ быть, и о непочтительномъ замѣчаніи Шлецера по поводу одного Ломоносовскаго стиха, приведеннаго какъ образчикъ какофоніи безъ имени автора (стр. 6).

***) Билярскій, «Матеріалы для біогр. Ломоносова», стр. 092.

†) Сопоставленіе это принадлежало Фришу, и Шлецеръ даже и не выдавалъ его за свое.

Шлецера, вырѣзавъ строчки съ несчастной этимологіей *князь*—Knecht, „обѣгалъ съ ними всѣхъ князей и всѣхъ наускалъ на" Шлецера. „Какую этотъ пустякъ произвелъ повсюду сенсацію, это сверхъ всякаго описанія". Имя Шлецера повторялось на всѣхъ обѣдахъ въ связи съ данной этимологіей, а тѣмъ, кто хотѣлъ защитить его указаніемъ на „благороднаго англійскаго knight (*многіе вельможи знали* по англійски)", не давали говорить. Теперь эта исторія, конечно представляется просто невѣжественнымъ недомысліемъ, и мы не можемъ не раздѣлить мнѣніе Шлецера, писавшаго: „положимъ, что мое этимологическое сравненіе было *неправильно;* но оно вовсе не было смѣшно и ни мало не позорно какъ для русскаго княжескаго сословія, такъ и для высокаго нѣмецкаго имперскаго дворянства" *). Но въ тѣ времена лишь немногіе могли стать на точку зрѣнія Шлецера, и послѣднему угрожали серьезныя послѣдствія его этимологическихъ упражненій. За словесной полемикой послѣдовала извѣстная записка Ломоносова о грамматикѣ Шлецера, въ которой эта послѣдняя называлась „безпорядочной", „полной нестерпимыхъ погрѣшностей", „сумазбродства" и „безразсудной наглости"; указывалось, что въ ней даются неприличныя сближенія русскаго слова „дѣва", употребляемаго преимущественно въ примѣненіи къ Богородицѣ, „напечатано ругательнымъ образомъ высочайшій степень россійскаго дворянства (князь)", сравнивается *король* и Kerl, и изо всего сказаннаго выводилось заключеніе, „какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина", т. е. Шлецеръ **). Нападки эти привели къ прекращенію печатанья грамматики послѣдняго.

Прерванному разъ научному предпріятію не суждено было возобновиться, хотя смерть Ломоносова въ слѣдующемъ же году (1765) устраняла главную помѣху планамъ Шлецера. На этотъ разъ помѣшала поѣздка самого автора въ Германію; но и по возвращеніи его въ Россію въ 1766 г., „о продолженіи печатанья не было рѣчи". Въ 1769 г. Шлецеръ, уже изъ Геттингена, самъ предлагалъ академіи окончить начатый трудъ, но не получилъ никакого отвѣта ***). Очевидно, воспоминанія о походѣ, воздвигнутомъ противъ Шлецера, были еще

---

*) Автобіографія Шлецера: «Сборникъ отд. р. яз. и слов.», т. XIII, стр. 230.

**) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, стр. 762—763; Билярскій, «Матеріалы для біогр. Ломоносова», стр. 725—726; Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. II, 836.

***) Автобіографія Шлецера: «Сборникъ отд. р. яз. и слов.», т. XIII, стр. 155.

слишкомъ свѣжи въ памяти ближайшихъ къ дѣлу лицъ и дѣлали невозможнымъ продолженіе труда. Отпечатанные листы грамматики впослѣдствіи были уничтожены (обращены въ макулатуру), за исключеніемъ шести (приблизительно) экземпляровъ, одинъ изъ которыхъ Шлецеръ завѣщалъ геттингенской библіотекѣ *). Факсимиле съ этого послѣдняго, сохранившееся въ бумагахъ А. А. Куника и сдѣланное для него однимъ изъ потомковъ Шлецера (принадлежитъ нынѣ Имп. Акад. Наукъ), послужило основой для предлагаемаго изданія, какъ въ части, изготовленной А. А., такъ и въ заключительныхъ страницахъ (97—109), выполненныхъ пишущимъ эти строки.

Приступая къ составленію своей грамматики, Шлецеръ имѣлъ въ виду, по его собственнымъ словамъ, не столько то, чтобы иностранецъ могъ по ней научиться русскому языку, сколько, „чтобы онъ пріобрѣлъ общее, *ученое* знаніе этого безконечно-богатаго и высокообработаннаго, но въ то же время еще совершенно неизвѣстнаго языка, который иные считали даже варварскимъ“ **). Этой научной цѣлью объясняется вся VI глава грамматики, особенно замѣчательная для своего времени и совершенно необычная въ тогдашнихъ грамматическихъ руководствахъ, въ которой находимъ доказательство родства русскаго языка съ греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ (а также и другими германскими языками). Знакомый съ основаніями „всеобщей грамматики“, хорошій лингвистъ, знавшій много языковъ (арабскій, еврейскій, оба классическихъ, новые европейскіе, въ томъ числѣ и рядъ славянскихъ), Шлецеръ давалъ въ этой главѣ богатое собраніе этимологическихъ сближеній, многія изъ которыхъ принадлежатъ въ настоящее время къ общепризнаннымъ, но для своего времени были совершенной новостью. Какъ особенно любопытныя, слѣдуетъ отмѣтить первыя сближенія латышскихъ словъ съ латинскими, германскими и славянскими (стр. 65, прим.). Въ грамматикѣ Ломоносова не было ничего подобнаго, да и въ рукописныхъ своихъ филологическихъ замѣткахъ ***) онъ не шелъ далѣе довольно узкаго круга языковъ (прежде всего греческаго, затѣмъ латинскаго и нѣмецкаго, изрѣдка французскаго и итальянскаго). Если въ извѣстномъ отзывѣ Шлецера о Ло-

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же, стр. 154.
***) См. Сочиненія Ломоносова, акад. изданіе подъ ред. М. И. Сухомлинова, т. IV, 1898 г., Примѣч. стр. 251—253.

моносовѣ, какъ „чистомъ натуралистѣ" въ языкѣ, „который во всю свою жизнь такъ же мало слышалъ объ ученой этимологіи, какъ матросъ о логариѳмахъ" *), и сказывается нѣкоторое пристрастное преувеличеніе обиженнаго современника, то безпристрастное потомство всетаки должно признать неоспоримое превосходство Шлецера надъ Ломоносовымъ въ отношеніи широты филологическаго и лингвистическаго образованія, знанія языковъ и проницательности взгляда, обнаруженныхъ имъ особенно въ VI главѣ своего труда. Шлецеръ могъ сказать о своемъ предпріятіи, что оно не было слишкомъ смѣло: „мнѣ была немного извѣстна общая грамматика, я уже долгое время занимался сравненіемъ русскаго языка, словъ и грамматики, съ многочисленными родственными ему нарѣчіями **): ни о томъ, ни о другомъ Ломоносовъ никогда (?) не думалъ; слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ я имѣлъ предъ нимъ значительное преимущество. Изъ осторожности (!) я бралъ примѣры большею частію у него, но правила были мои" и т. д. ***).

Менѣе значительны тѣ страницы труда Шлецера, которыя посвящены собственно грамматикѣ русскаго языка. Особенно новаго, въ сравненіи съ Ломоносовымъ, Шлецеръ не могъ здѣсь дать, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи фактическаго матеріала зависѣлъ отъ грамматики своего предшественника и соперника, признавая вполнѣ категорически эту зависимость, какъ мы только что видѣли. Но и въ этой части труда Шлецера находится не мало интересныхъ замѣчаній, особенно въ главахъ, трактующихъ о звуковыхъ особенностяхъ русской рѣчи (II—V). Такимъ образомъ историческая цѣнность даннаго труда не подлежитъ сомнѣнію и вполнѣ оправдываетъ изданіе его въ оригинальномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что русскій переводъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей и ошибокъ.

Не свободно отъ нихъ и изданіе Куника. Свѣривъ его съ facsimile, мы нашли нѣкоторые пропуски, ошибки въ чтеніи, не говоря уже о неточностяхъ въ передачѣ орѳографіи подлинника, отъ неприкосновенности которой покойный издатель иногда почему то (можетъ быть и безсознательно) отступалъ, сохраняя, однако, тѣ же самыя, или аналогичныя, написанія въ другихъ случаяхъ. Пріемы, помощью

*) Сборникъ, т. XIII, стр. 229 и 230.
**) Ср., напримѣръ, тамъ же, стр. 108.
***) Тамъ же, стр. 154.

которыхъ Куникъ передавалъ извѣстныя типографскія особенности оригинальнаго изданія (курсивъ, разрядку, жирный шрифтъ и т. п.), далеко не вездѣ проведены систематично; извѣстный болѣе жирный шрифтъ оригинала—насколько это можно судить по facsimile (вообще, кажется, очень точному)—одинъ разъ передается курсивомъ, а другой—тѣмъ же прямымъ шрифтомъ, какимъ напечатанъ обыкновенный текстъ; иногда прямой шрифтъ оригинала переданъ курсивомъ, а курсивъ—прямымъ (въ нѣкоторыхъ парадигмахъ), а иногда найдемъ точную передачу соотвѣтствующими шрифтами. Опредѣленнаго строго принципа въ этомъ отношеніи А. А. Куникъ повидимому не держался. Это обстоятельство затрудняло отчасти задачу редактора той части предлежащаго изданія, которую самъ Куникъ не собрался напечатать. Рѣзкое уклоненіе отъ извѣстныхъ пріемовъ покойнаго академика являлось нежелательнымъ, ибо неминуемо повлекло бы за собой неприятную пестроту и непослѣдовательность въ передачѣ оригинала. Редакторъ поэтому старался въ своей долѣ текста придерживаться наиболѣе типичныхъ пріемовъ передачи, употребленныхъ уже А. А. Куникомъ, стараясь въ то же время приблизиться возможно болѣе къ facsimile и не допускать случайныхъ уклоненій отъ вѣрности подлиннику.

Изъ ошибокъ и неточностей, сравнительно съ facsimile, замѣченныхъ нами въ листахъ, изданныхъ Куникомъ, укажемъ слѣдующія важнѣйшія *).

Стр. 4, 6 стр. снизу слѣдуетъ: Господь вм. Го́сподь (такъ и у Кеневича).
Стр. 5, 12 стр. сверху — ш (такъ и у Кеневича) вм. т.
— § 5, 3 стр. сверху слѣдуетъ: leztere (какъ вездѣ) вм. letztere.
Стр. 6, § 8, 3 стр. сверху — Flachses вм. Flaches.
Стр. 8, § 10, 4 стр. снизу — мучилъ (такъ и у Кеневича) вм. мучилъ.
Стр. 11, 1 стр. сверху — Bjälke вм. Bjelke.
— § 14, 6 стр. сверху напечатано: m̃ (Poln.) (??) **).
Стр. 12, § 16, 2 стр. сверху слѣдуетъ: bemercket вмѣсто bemerket.
Стр. 14, § 18, примѣч. въ началѣ 3-ей строки выпало ѣ.
— § 19, 4 стр. сверху слѣдуетъ: искании (такъ и у Кеневича) вм. исканиı.

*) Нѣкоторыя изъ нихъ у Кеневича исправлены, но большинство (въ томъ числѣ очень грубыя) повторены цѣликомъ.

**) Ту же ошибку находимъ у Кеневича. Въ ней виновато, очевидно, facsimile, представляющее нѣчто похожее на m̃ (м. б. вм. ni?).

Стр. 14, § 19, посл. строка снизу слѣдуетъ: nötig вм. nöthig.

Стр. 16,	1 стр. снизу	слѣдуетъ:	wol вм. wohl.
Стр. 17,	4 стр. сверху	—	ходитъ и къ намъ (такъ и у Кеневича), вм. ходи тьи къ намъ.
Стр. 19,	11 стр. сверху	—	überflüszig вм. überflüssig.
Стр. 22,	5 стр. сверху	—	*въ вечеру* вм. *къвечеру* (такъ и у Кеневича).
—	6 стр. сверху	—	*ввечеру* вм. *квечеру* (такъ и у Кеневича).
Стр. 27,	1 стр. сверху	—	Anzal вм. Anzahl.
Стр. 28,	§ 38, 4 стр. снизу	—	so gar вм. sogar.
—	примѣч., стр. 8 снизу	—	Preusze вм. Preusse.
—	— стр. 2 снизу	—	ein und eben dasselbe вм. ein und dasselbe.
Стр. 29,	3 стр. сверху	—	einen вм. ein.
Стр. 30,	§ 40, 3—4 стр. сверху	—	schwartzen вм. schwarzen.
Стр. 33,	10 стр. сверху	—	Ειμι, Sum, вм. ειμι, sum (у Кеневича ειμι, Sum).
—	8 стр. снизу	—	je her вм. jeher.
Стр. 34,	6 стр. снизу	—	Eben so вм. Ebenso.
Стр. 35,	2 стр. сверху	—	neueren вм. neuern.
Стр. 42,	5 стр. сверху	—	Leinwand вм. Leinewand.
Стр. 43,	10 стр. сверху	—	nachher вм. nacher.
—	14 стр. снизу	—	дить вм. дишь (у Кеневича дить).
Стр. 45,	15 стр. сверху	—	besondre вм. besondere.
Стр. 47,	18 стр. сверху	—	дожжъ вм. дожжь (такъ и у Кеневича).
Стр. 48,	4 стр. сверху	—	**Дурь** вм. **Дуръ** (такъ и у Кеневича).
Стр. 51,	3 стр. снизу	—	Kwasz вм. Kwass.
Стр. 52,	18 стр. сверху	—	oder вм. und.
Стр. 54,	1 стр. снизу	—	culeus вм. caleus (такъ и у Кеневича).
Стр. 63,	13 стр. сверху	—	gegen über вм. gegenüber.
Стр. 70,	4 стр. сверху	—	der вм. das.
Стр. 73,	10 стр. сверху	—	Факултета вм. Факультета (такъ и у Кеневича).
Стр. 79,	22 стр. сверху	—	Feur вм. Feuer.
—	12 стр. снизу	—	кошель вм. котѐль (такъ и у Кеневича).
—	11 стр. снизу	—	линь вм. лань (такъ и у Кеневича).
Стр. 81,	8 стр. снизу	—	trzey вм. trzcy (такъ и у Кеневича).
Стр. 83,	19 стр. сверху	—	Го́родъ вм. Городъ (такъ и у Кеневича).

Стр. 85, 14 стр. сверху	слѣдуетъ:	салда́ты вм. салдаты (у Кеневича: солдаты).
— § 60, 2 стр. сверху	—	Declination вм. Declinationen.
Стр. 87, 4 стр. снизу	—	соколу́ вм. соколу (у Кеневича соколу́).
Стр. 89, 18 стр. сверху	—	Feur вм. Feuer.
— 19 стр. сверху	—	Feurstein вм. Feuerstein.
— 13 стр. снизу	—	ein вм. der.
Стр. 90, 11 стр. сверху	—	коне́цъ вм. конецъ (такъ и у Кеневича).
Стр. 93, 7 стр. снизу	—	*га* вм. *га̀*.
Стр. 95, 11 стр. снизу	—	Тоболск*им* вм. Тобольск*имъ*.
— 2 стр. снизу	—	Новгоро́дъ вм. Новгородъ.

Пропуски знаковъ препинанія, неточности и непослѣдовательности въ обозначеніи курсива и другихъ типографическихъ особенностей подлинника нами не указываются, но и ихъ встрѣчается не мало.

С. Буличъ.

С.-Пб. 11 ноября 1903 г.